

КАК БЫЛ СОЗДАН РУССКИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ БОГОСЛОВСКИЙ ИНСТИТУТ ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО В ПАРИЖЕ

(К 90-летию основания)

ПРОТОИЕРЕИ НИКОЛАЙ ОЗОЛИН

Цель моей краткой статьи – рассказать о возникновении высшего богословского учебного заведения, основанного за рубежом в ответ на закрытие духовных школ в России после революции. Постараюсь при этом как можно чаще предоставлять слово самим активным участникам событий из первого поколения профессоров, большую часть которых мне посчастливилось еще застать в живых, когда я поступил в Свято-Сергиевский институт в конце 50-х гг.

В текущем академическом году Свято-Сергиевский институт празднует свой девяностолетний юбилей. За последние годы в нем учились православные студенты со всего мира: из Японии, Эфиопии, Святой Земли, Ливана, Грузии, Турции, Греции, Болгарии, Румынии, Македонии, Сербии, Польши, Литвы, Финляндии, Норвегии, Голландии, Бельгии, Италии, Америки, конечно, из Франции и со сравнительно недавнего времени снова из России.

1 ноября 2013 г. выпускник, профессор и бывший декан нашего института архимандрит Иов (Гетча) общим епархиальным собранием был избран председателем нашей архиепископии и тем самым ректором института.

Если богослужебный язык преимущественно – славянский, то с середины 70-х гг. вторым официальным языком института стал французский.

Будучи до недавнего времени единственной православной богословской школой в Западной Европе, давшей много десятков образованных священников и епископов (и даже одного патриарха), служащих почти во всех Поместных Православных Церквях, институт, не забывая о своих русских корнях, считает своим долгом всячески заботиться об укреплении православия в той стране, где существует уже 90 лет.

В 70-е и 80-е гг., когда, с одной стороны, официальные связи с Россией и с Русской Православной Церковью осуществлялись только спорадически и когда, с другой стороны, студенты русского происхождения из западных стран стали явлением весьма редким, институт естественным образом все больше и больше сосредоточился на устройстве поместной франкоязычной церковной жизни, и в связи с этим решено было полностью перейти на преподавание на француз-

ском языке точно так же, как Свято-Владимирская академия в Нью-Йорке перешла на английский язык еще на четверть века раньше.

Крупные перемены, происшедшие в России с момента празднования тысячелетия крещения Руси, позволили установить новые контакты с русскими богословскими учебными заведениями и, в частности, со Свято-Тихоновским гуманитарным университетом, что для нас является большой радостью.

Сейчас позвольте оглянуться немного в прошлое, и вспомнить, как создавался русский Свято-Сергиевский православный богословский институт.

Антон Владимирович Карташев (1875 – 1960), последний обер-прокурор Священного Синода, министр вероисповеданий Временного правительства и бессменный профессор истории Церкви (общей и русской) и Священного Писания Ветхого Завета, в своей статье «Как создан Богословский Институт?» пишет: «Возникновение в русской эмиграции не элементарной, не средней, а именно высшей богословской школы без государственной и материальной базы – явление довольно исключительное, как исключительна и сама эмиграция. Поначалу это была двухмиллионная масса, наполовину состоявшая из руководящих слоев нации, инстинктивно сопротивлявшихся неизбежному растворению в лоне иных культур и иных государств»¹.

Самым упорным и неразстворимым ядром русского национального самосознания оказалась православная община. Для продолжения своего организованного существования она нуждалась в богословской школе. Помимо профессиональной потребности в школе, интерес к церковным и богословским вопросам проявился и в устройстве популярных лекций на эти темы в Константинополе, в Белграде, в Берлине и в Париже (т.е. во всех центрах русского рассеяния). В русском посольстве в Париже с конца 1920 г. происходили довольно частые лекции и беседы почти исключительно на церковные темы. В среде многочисленных слушателей возникла мысль о систематических богословских курсах. Приезжавший в 1921 г. из Берлина в Париж митрополит Евлогий благословил начать этот опыт. Было объявлено об открытии «Высших православных богословских курсов». Лекции назначались по вечерам в помещении Средней русской школы (7, rue du Dr. Blanche). Курсы просуществовали с февраля до лета. Учащая молодежь остановилась на ожидании открытия регулярной богословской школы, о чем начались повсюду разговоры. Особую настойчивость при этом проявил Пражский академический центр, где собралось большое количество русских ученых и студентов под покровительством президента – проф. Т. Масарика. Русские профессора, особенно после высылки в 1922 г. из Советской России так называемых «идеалистов», когда за границей очутились прот. Сергей Булгаков, Николай Онуфриевич Лосский, Семен Людвигович Франк,

Николай Александрович Бердяев, Борис Петрович Вышеславцев, Павел Иванович Новгородцев и многие другие, вдохновились идеей возможности богословского факультета, как был уже к тому времени образован юридический факультет в Праге.

Когда летом 1922 г. глава Всемирной христианской студенческой федерации Джон Мотт проезжал через Прагу, академик Петр Бернгардович Струве в присутствии протопресвитера Георгия Шавельского, Антона Владимировича Карташева и других передал ему записку о потребности и возможности устроить высшую богословскую школу для русских. Местом богословской школы с 1923 г. мыслился Париж, куда окончательно переселился из Берлина митрополит Евлогий, который очень заботился об этом.

Сам митрополит Евлогий (1868 – 1946) в своих известных воспоминаниях «Путь моей жизни» рассказывает: «Озабоченный мыслью об устройении второго храма в Париже (кроме кафедральной Александроневской церкви), я обратился к князю Григорию Николаевичу Трубецкому и Михаилу Михайловичу Осоргину и просил помочь мне в этом деле. Мы начали с того, что ходатайствовали перед французским правительством о предоставлении нам, в воздаяние заслуг русских воинов Экспедиционного корпуса на французском фронте, какого-либо помещения для храма; мы просили — хотя бы во временное пользование до возвращения нашего на родину — предоставить нам одно из отчужденных по праву войны немецких зданий, а если его нам дать не могут, то хоть отвести нам участок земли, где бы мы уже сами выстроили церковь. К сожалению, этот план не удался, и тогда у нас возникла мысль купить для означенной цели какое-нибудь секвестрированное здание. М.М. Осоргин нашел подходящую усадьбу под № 93 по рю де Крима. Это было бывшее немецкое учреждение, созданное пастором Фридрихом фон Бодельшвингом в середине прошлого века — немецкое общество попечения о духовных нуждах проживающих в Париже немцев евангелического исповедания устроило там детскую школу-интернат. Это учреждение помещалось в нижнем этаже здания, а в верхнем была устроена кирка. Осоргин повез меня на рю де Крима. Я осмотрел усадьбу. Она мне очень понравилась. В глубине двора высокий холм с ветвистыми деревьями и цветочными клумбами. Дорожка вьется на его вершину к крыльцу большого деревянного здания школы, над его крышей виднеется маленькая колокольня кирки. Кругом еще четыре небольших домика. Тихо, светло, укромно: с улицы, за домами, усадьбы не видно, и уличный шум до нее не доходит, со всех сторон ее обступают высокие стены соседних домов, словно от всего мира закрывают. Настоящая «пустынь» среди шумного, суетного Парижа. Вот бы где хорошо нам устроиться, вслух подумал я, и не только открыть приход, но и пастырскую школу...»²

И на самом деле, в день обретения мощей преподобного Сергия Радонежского, 5/18 июля 1924 г. Михаилу Михайловичу Осоргину удалось приобрести на аукционе этот участок на Крымской улице. В этом митрополит Евлогий усмотрел особенное благословение святого угодника и потому посвятил храм и всю усадьбу именно ему, назвав их «Сергиевское подворье». Освящение храма состоялось в Прощеное Воскресенье, 1 марта 1925 г. После крестного хода митрополит в своем слове сказал: «На горе сей ныне воистину воссияла благодать Божия; вдали от родины, в самом сердце западноевропейской культуры, зажегся огонек нашего родного Православия, воссияла малая и еще не устроенная обитель, посвященная имени великого молитвенника Русской Земли — Преподобного Сергия, не только угодника Божья, но и собирателя и устроителя Русского Государства... Обитель Сергиева приютила в своих стенах высшую духовную школу, и наша ныне создающаяся обитель, имеет своей задачей те же просветительские цели, так же думает дать приют нашей русской молодежи, ищущей богословских знаний, ищущей Бога, горящей огнем желания послушать Св. Церкви родной.

К этому времени церковь еще не была устроена — кроме временного иконостаса и нескольких аналоев все оставалось похоже на прежнюю лютеранскую кирку с белыми стенами и готическими окнами. Расписать храм предложил известный художник и театральный декоратор Дмитрий Семенович Стеллецкий (1875 — 1947), заинтересовавшийся еще в России церковным искусством⁴.

На внутренней стороне северных врат иконостаса до сих пор можно прочесть следующую надпись: «Начал расписывать церковь 6 ноября 1925 г. пятницу. Кончил 1 декабря 1927 г. четверг. Д.С. Стеллецкий». Итак, по эмигрантским понятиям довольно большой храм (вмещающий до 800 человек), совершенно инославного вида, за сравнительно короткое время превратился в православную церковь с многочисленными иконами, стеной росписью, различными орнаментами и трехъярусным, зубчатым иконостасом. Но на трудном и сложном пути постепенного раскрытия и воссоздания иконописной традиции его работа на Сергиевском подворье оказалась важным этапом.

Таким образом, как отмечает долголетний, с 1937 по 1960 г., профессор литургики и пастырского богословия, бывший начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, архимандрит Киприан (Керн, 1899 — 1960), «на вавилонских реках русского рассеяния дано было, по промыслу Божию, передать пламень старой русской духовной культуры в руки ее молодых продолжателей»⁵.

Оригинальность изначального преподавательского состава состояла, как писал архим. Киприан, в том, что «при рождении Института встретились два поколения людей и представители двух разных те-

чений русской мысли. С одной стороны, это были воспитанники и наставники старых русских Духовных Академий:

- сам митрополит Евлогий (*Георгиевский*), ректор Института с 1925 по 1946 гг.
- епископ Вениамин (*Федченков*), инспектор Института с 1925 по 1931 гг., магистрант Санкт-Петербургской Духовной Академии, будущий митрополит-экзарх Московской Патриархии в Северной Америке (родившийся в 1880 г. и скончавшийся в Псково-Печерском Успенском монастыре в 1961 г.). Преподавал пастырское богословие, литургику, сектоведение и частично Священное Писание Ветхого Завета.
- *Николай Никанорович Глубоковский* (1863 – 1937), заслуженный ординарный профессор Санкт-Петербургской Духовной Академии, член-корреспондент Российской Академии наук, Почетный член Московской, Киевской и Казанской Духовных Академий, в эмиграции – ординарный профессор Софийского Университета в Болгарии, оказавший ценнейшую помощь в нашей учебной работе.
- и, конечно, *Антон Владимирович Карташев*, воспитанник и преподаватель Санкт-Петербургской Духовной Академии и Высших Женских Курсов.

С другой стороны, широкой волной в состав нашей ученой коллегии влились люди, не принимавшие участия в дореволюционной школе, но пришедшие к богословию из внеакадемических очагов вольной религиозной мысли:

- прот. *Сергий Николаевич Булаков* (1871 – 1944), доктор политической экономии и профессор Московского Университета, рукоположенный во иереи в 1918 г. С 1925 г. до своей кончины – профессор догматики. Инспектор – с 1931 г. и декан – с 1940 г.
- *Василий Васильевич Зеньковский* (1881 – 1962), магистр философии Московского Университета, профессор психологии Киевского и Белградского университетов (1915 – 1923). Директор Педагогического института в Праге (1923 – 1926). Пожизненный председатель РСХД с 1923 г. С 1926 по 1962 гг. – профессор истории философии, психологии, апологетики и истории религии. Принял священство в 1942 г. Декан Института с 1944 по 1962 гг.
- *Сергей Сергеевич Безобразов* (1892 – 1965), в 1914 г. окончил филологический факультет Санкт-Петербургского Университета, профессор истории религии Туркестанского Университета в 1918 – 1920 гг. Преподавал в 1921 и 1922 гг. в Православном богословском институте в Петрограде⁶. С 1925 г. по 1965 г. – профессор Священного Писания Нового Завета. В 1932 г. принял монашество с именем Кассиан. С 1947 г. – епископ Катанский и ректор Института до 1965 г. Владыка Кассиан является автором первого научного пере-

вода всего текста Нового Завета на современный русский язык с греческого подлинника XX в.⁷

- **Борис Петрович Вышеславцев** (1877 – 1954). Преподавал философию в Московском Университете. С 1927 по 1943 гг. профессор нравственного богословия. Вместе с Бердяевым – редактор журнала «Путь».
- **Георгий Петрович Федотов** (1886 – 1951), профессор средневековой истории Саратовского университета. С 1926 по 1939 гг. – профессор истории Западной церкви и агиологии. С 1946 по 1951 гг. – профессор Свято-Владимирской Духовной Академии в Нью-Йорке. Главный редактор журнала «Новый Град» (1931 – 1940).
- **Георгий Васильевич Флоровский** (1893 – 1979), приват-доцент Новороссийского университета в 1920 г. Магистр Русской Академической группы в Праге в 1924 г. С 1926 по 1939 гг. – профессор патрологии, а с 1947 по 1948 гг. – догматики и нравственного богословия. Рукоположен в 1932 г. С 1949 по 1955 гг. – декан Свято-Владимирской Духовной Академии в Нью-Йорке. Затем профессор в Гарвардском и Принстонском Университетах.
- **Владимир Васильевич Вейдле** (1895 – 1979). Преподавал в Пермском Университете с 1918 по 1920 гг.; с 1920 по 1924 гг. – историю искусства в Петрограде. С 1932 по 1952 гг. – доцент истории христианского искусства, а с 1940 по 1962 гг. – также и истории Западной Церкви.
- **Лев Александрович Зандер** (1893 – 1964). Окончил Императорский Александровский лицей в 1913 г. Преподавал философию во Владивостокском Университете с 1919 по 1920 гг. С 1926 по 1956 гг. – доцент, а с 1956 по 1964 гг. – профессор логики и сравнительного богословия.
- **Владимир Николаевич Ильин** (1890 – 1974). Окончил физико-математический факультет Киевского Университета в 1912 г., а в 1917 г. там же философский отдел. Музыковед. С 1927 г. по 1940 гг. – доцент литургики и истории философии.
- **Константин Васильевич Мочульский** (1892 – 1948). Одновременно с С.С. Безобразовым окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. В 1919 и 1920 гг. – доцент Новороссийского университета. С 1934 по 1947 гг. – доцент по истории Западной Церкви. Вместе с Федотовым – близкий друг и сотрудник «Православного Дела» матери Марии Скобцовой.

Эта вторая группа была в те годы в тесной связи с **Семеном Людвиговичем Франком** (1877 – 1950), **Николаем Онуфриевичем Лосским** (1870 – 1965), **Николаем Александровичем Бердяевым** (1874 – 1948) и с **Львом Платоновичем Карсавиным** (1882 – 1952).

Все они принесли к зарождавшемуся очагу богословской науки опыт старой и славной духовной академии, соединенный с исканием и чаяниями любомудрствующей мысли. Несколько позднее вошли

в состав профессуры русские питомцы Белградского Богословского факультета Николай Николаевич Афанасьев (1893 – 1966), будущий профессор канонического права и создатель «евхаристической экклезиологии», и архимандрит Киприан (Керн) (1899 – 1960).

Притом две характерные особенности определили стиль и направление нашей школы и стали координатами ее ученой и учебной деятельности. С одной стороны, готовность приятия острых проблем современности, смелость историко-критического подхода к источникам богословского ведения и сознание необходимости быть на уровне научных требований эпохи. С другой, быт и работа Института сразу же при его создании стали в рамки храмового благочестия. Ритм богослужбной жизни Церкви, ее посты и праздники с их богатством литургического богословия едва ли не преобладают в нашей атмосфере»⁸.

Золотым веком нашей школы, несомненно, были первые 14 лет ее существования, т.е. с основания до начала Второй мировой войны. То было время всеобщего процветания культурной жизни русского Парижа: научные содружества и институты, Академическая группа, дворянское собрание, гимназия, Кадетский корпус, Консерватория, Академия художеств, театры, журналы и газеты всех направлений, несколько книгоиздательств и, конечно, военные и политические объединения – жизнь была ключом! Для Института это были годы блистательного преподавания вышеупомянутых наставников, пламенных служб и тяжелых раздумий Булгакова, «исхода к востоку» Флоровского, грез о «воссоздании Святой Руси» Карташева, осмысления «нового средневековья» и «философии неравенства» Бердяева, «размышлений о России» и о «социальном значении христианства» Федотова...

Внутренний тон задавали рукоположения и постриги в академическом храме: Кассиана (Безобразова), Иоанна (Шаховского), монахини Бландины (Оболенской), Мефодия (Кульмана), Павла (Гольшева), Дионисия (Лукина), Саввы (Струве), художницы-иконописицы Иоанны (Рейтлингер), к которой приходил учиться будущий изограф монах Григорий (Круг). Тихо, и часто для «внешних» незаметно, продолжалось возвращение в отчий дом блудных сынов и дочерей кающейся российской интеллигенции...

Все пересмотрено. Готов мой инвентарь.
О, колокол, в последний раз ударь.
Последний раз звучи
Последнему уходу...

– писала в своем стихотворении «Постриг» мать Мария (1891 – 1945), ныне прославленная Церковью преподобномученица, в юности поэ-

тесса, близкая к Блоку, бывший член социал-революционной партии, городская голова Анапы в 1917 г., позже — писательница, богослов, секретарь РСХД, основательница «Православного Дела», в самом конце войны погибшая в немецком концлагере. «В назначенный день в начале Великого поста 1932 г. в храме Сергиевского Подворья, Елизавета Юрьевна Скобцова, по первому мужу Кузьмина-Караваева, урожденная Пиленко, отложила мирское одеяние, облеклась в простую рубашку, спустилась по темной лестнице с хоров Сергиевского храма и распростерлась крестообразно на полу:

В рубаху белую одета,
О, внутренний мой человек,
Сейчас еще Елизавета,
А завтра буду — имя рек»⁹.

Войной 1939 г. резко оборвалась кипучая жизнь зарубежной Руси. Многие подворские профессора и студенты, находясь летом за границей, не смогли вернуться в Париж. Афанасьев оказался в Тунисе, архимандрит Кассиан — на Афоне, Флоровский — в Белграде, где под бомбами сгорел склад с его «Путиями русского богословия». Зеньковского и Зандера арестовали немцы. Федотов как-то перебрался в Америку... К началу 1944 г. из всей славной плеяды профессоров на месте остались только Карташев, архимандрит Киприан и больной прот. Сергей Булгаков, скончавшийся в том же году. Студентов числилось не более 12 человек. Поступление пособий и вообще материальной помощи из Америки, Швейцарии и Англии прекратилось. Но службы и лекции продолжались, и всем было ясно, что главное — во что бы то ни стало не допускать закрытия школы, а «выжить» до освобождения Парижа и прекращения военных действий. По милости Божьей так и случилось, и с конца войны наступил период второго расцвета в жизни института.

После кончины митрополита Евлогия в 1946 г. новоизбранный экзарх митрополит Владимир (Тихоницкий) предпочел уступить должность ректора одному из профессоров института. Избран был архимандрит Кассиан, поставленный в июле 1947 г. во епископа Кантанского. Новый ректор сразу обнаружил необходимость пополнения преподавательского состава. Наиболее подходящими кандидатами оказались собственные выпускники института молодые священники — *Алексей Петрович Князев* (1913 — 1991) и *Александр Дмитриевич Шмеман* (1921 — 1983), окончившие в 1943 и 1945 гг. Первому поручили Священное Писание Ветхого Завета, а второй стал ассистентом А.В. Карташева по истории Церкви. После смерти прот. Сергея Булгакова, с 1945 г. догматику и нравственное богословие читал свящ. Георгий Флоровский. Но в 1948 г. он переехал в Америку и стал

деканом Свято-Владимирской духовной академии, в которой уже преподавали Н.О. Лосский и Г.П. Федотов. Освободившуюся кафедру занял ассистент Флоровского, выпускник 1936 г. **Сергей Сергеевич Верховской** (1907 – 1986), переехавший в свою очередь в 1952 г. в Свято-Владимирскую академию в Нью-Йорке. Через год туда же переехал и свящ. Александр Шмеман, так что история Церкви снова вернулась к стареющему, но еще удивительно бодрому Карташеву. Окончивший Институт в том же 1952 г. **Николай Анатольевич Куломзин** (1912 – 1995) был оставлен при кафедре Священного Писания Нового Завета, которую он занимал до своей кончины. А Верховского заменили, по нравственному богословию – Павел Николаевич Евдокимов (1901 – 1970), принадлежавший к первому выпуску, а по догматике – через некоторое время – выпускник 1949 г. нынешний протопресвитер Борис Бобринский (род. в 1925 г.). Блестящий выпускник 1948 г. барон Иван Феофилович Мейендорф, родившийся в 1926 г. и к прискорбию всего православного мира скончавшийся 22 июля 1992 г., сразу же был оставлен при институте для подготовки к ученому званию и в течение 10 лет, до своего переезда в Америку, преподавал греческий язык, патрологию и частично историю Церкви.

Примером старших вдохновилось следующее поколение преподавателей. В 1954 г. прот. Алексей Князев защитил работу «Письмо Аристея к Филократу и предыстория перевода 70 толковников». А в 1959 г. свящ. Александр Шмеман вернулся из Америки с диссертацией об «Истории византийского литургического синтеза», в то время как только что рукоположенный в иерейский сан Иоанн Мейендорф в Сорбонне защитил свое «Введение в богословие свт. Григория Паламы» («Introduction à l'étude de Gregoire Palamas»), получившее сразу мировую известность.

В эти послевоенные годы журнал института «Православная мысль» продолжал отражать интересы и исследовательскую деятельность профессуры. С 1949 по 1962 г. устроенные при институте «Высшие женские богословские курсы», рассчитанные на трехлетнее обучение, привлекали множество интеллигентных женщин, готовя их к самым разным служениям на церковном поприще.

Итак, как я отметил в своем вступлении, после кончины своего второго ректора епископа Кассиана в 1965 г. Парижский богословский институт из русского учебного заведения в виду невозможности общения с Россией стал постепенно превращаться в общеправославный центр, свидетельствующий о нашей вере перед лицом инославного мира и пекущийся о нуждах местных епархий.

Сегодня же, когда на наших глазах открылся новый период в истории нашего отечества, несомненно, откроются и новые пути посильного служения России для той школы, которая в страшные 20-е, 30-е и 40-е г. одна обеспечивала преемственность русской богословской мысли и в

сложных условиях изгнания олицетворяла ее под покровом игумена Русской Земли, Преподобного аввы Сергия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Карташев А.В.* Как создавался Богословский Институт? // Церковный Вестник Западно-Европейского Экзархата. 1950. № 4. С. 13 – 14.

² *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни. – Париж, 1947. С. 439 – 440.

³ Там же. С. 443 – 445.

⁴ Он, в частности, вместе с Владимиром Алексеевичем Комаровским (1879 – 1937) работал над проектом росписи храма-памятника на Куликовом поле.

⁵ *Киприан (Керн), архим.* Четверть века // Церковный Вестник Западно-Европейского Экзархата. 1950. № 4. С. 7.

⁶ Об этом Институте см. его статью: *Кассиан (Безобразов), еп.* Родословие духа // Православная мысль. Вып. 7. – Париж, 1949.

⁷ В 1951 г. Британское Библейское Общество поручило еп. Кассиану пересмотреть русский перевод Нового Завета. Для этой работы он на полтора года уезжает в Испанию, где заново переводит все новозаветные книги. К каждому исправлению, которое было им сделано, он подготовил комментарий. По его возвращении перевод был предложен специально созданной Библейским Обществом комиссии, в задачу которой входил окончательный пересмотр перевода. Эта комиссия регулярно собиралась до 1964 г. В 1958 г. было издано Четвероевангелие, а в 1960 г. – книга Деяний апостолов. С 1991 г. существует печатное издание этого перевода в полном объеме Нового Завета.

⁸ *Киприан (Керн), архим.* Четверть века. С. 8, 9.

⁹ *Гаккель С., прот.* Мать Мария. – Париж, 1980. С. 42.

REFERENCES

Eulogius (Georgiyevsky). *The way of my life*. Paris, 1947 (in Russian).

Gakkel S. *Mother Maria*. Paris, 1980 (in Russian).

Kartashev A.V. How Theological Institute was established? *Church Messenger of the West European Ekzarkhat*. 1950. No 4, pp. 13-17 (in Russian).

Kassian (Bezobrazov). Genealogy of spirit. *Orthodox thought*. 1949. No 7, pp. 7-16 (in Russian).

Kiprian (Kern). Quarter of the century. *Church Messenger of the West European Ekzarkhat*. 1950. No 4, pp. 7-12 (in Russian).

Аннотация

Статья посвящена истории Свято-Сергиевского Православного богословского института в Париже. Автор статьи рассмотрел создание института в 1925 г., период 1925 – 1939 гг., связанный со многими известными учеными и мыслителями русской эмиграции, и первое послевоенное десятилетие. Автор показал основные причины, которые привели к созданию института, и научные направления в новой русской богословской школе.

Ключевые слова: богословие, русская эмиграция, православие, богословское образование, духовно-академическая наука, история Церкви, библеистика, церковное искусство.

Summary

The article is devoted to the history of the St. Sergius Orthodox Theological Institute in Paris. The author considers the establishment of the institute in 1925 and the period between 1925 – 1939 which is associated with many famous scientists and thinkers of the Russian emigration as well as the first post-war decade. The author shows the main reasons which led to the establishment of the institute and the scientific directions in the new Russian theological school.

Keywords: theology, Russian emigration, Orthodoxy, theological education, theological academy, Church history, Bible studies, church art.